

КОНЕЦ ЭПОХИ КАПИТАЛИЗМА

Принято думать, что то прогрессирующее замирание экономического кризиса», явилось последствием великой войны и выпадения из мирового хозяйства России.

номинальной жизни, которое уже третий год наблюдается в старом и новом свете, под неудачным наименованием «мирового

Однако, самое слово «кризис» совершенно неправильно характеризует происходящее распадение веками сложившихся экономических и политических форм. Под «кризисом» принято понимать какое-то преходящее обострение серьезной болезни, которая, если не разрешается роковым исходом, то приводит к выздоровлению и новому накоплению сил.

Всестороннее изучение экономических явлений последнего времени заставляет тем не менее притти к заключению, что — 1) начало «мирового кризиса» следует отнести к какой-то гораздо более ранней, чем конец 20-х годов нашего столетия, эпохе и 2) кризис этот, если в ближайшем будущем в систему нынешнего экономического властвования не будут внесены коренные изменения, закончится для капитализма роковым исходом.

Я не боюсь упреков ни в излишнем пессимизме, ни в сени паники, хотя бы уже потому, что не приходится сожалеть о гибели экономического порядка (или вернее хаоса), который обрекает на голодную смерть 80 миллионов¹⁾ труженников цивилизованных стран.

О. Шпенглер сказал, что «оптимизм — есть трусость». И если еще два года тому назад каждый американец, для успеха в делах, должен был всегда улыбаться, а его машинистка рисковала потерять место, если имела унылый вид, — то теперь...

---

1) 28.000.000 безработных и лица, состоящие на их иждивении.

«улыбки уже не увеличивают кредита!». Самообольщение делового мира только ухудшает его положение.

С мужеством должны мы взглянуть в лицо надвигающейся на мир опасности и, подведя итог пережитой славной эпохе, попытаться установить, что именно должно быть спасено во что бы то ни стало из под ее развалин.

Эпоха, получившая наименование эры капитализма или же эры экономического либерализма — началась приблизительно полтора века тому назад, когда выдвинутый феодализмом правящий слой, истощенный в борьбе (главным образом за созидание абсолютных монархий), был вынужден уступить свое место классу буржуазии.

Лозунги экономической свободы, провозглашенные французской революцией, родились из эмансипации английской хлопчатобумажной промышленности (так называемого «манчестерства»). Эти лозунги оформились в идеологическую базу для развития «машинной эры». ¹⁾

С тех пор, в течение ста двадцати пяти лет, одно великое техническое изобретение сменяло другое, и капитализм неизменно сохранял стимул к творческому развитию и оплодотворению новых форм жизни.

Вот главные из этих «эр», которым цивилизованный мир обязан был своим благосостоянием: 1) текстильная эра (начало 1780 г.), 2) сталелитейно-машинная эра (начало 1805 г.), 3) железнодорожная эра (начало 1832 г.), 4) эра угля, химии и электрического тока слабого напряжения (начало 1870 г.) 5) эра электрического тока высокого напряжения (начало 1885 г.) 6) эра мотора (автомобильного и авиационного), беспроволочного телеграфа и «искусственного азота» (начало 1905 г.).

Опираясь на помощь науки и техники, «свободный человек» в промышленности шьет себе новое, просторное платье и в нем мало-по-малу вырастает. Прирост населения во всех странах увеличивается. Открываются и завоевываются новые рынки. Тип государственного человека-политика сменяется ти-

¹⁾ Первой задачей которой явилось снабжение хлопчатобумажной промышленности паровыми машинами.

пом «экономического вождя», которому принадлежит в большинстве политических вопросов эпохи — решающее слово.

Вместе с родовой аристократией пред «третьим сословием» отстывает и государство, как высший авторитет в области экономических и социальных отношений. В Пруссии происходит освобождение крестьян от крепостной зависимости (1805 г.), так как промышленность нуждается в рабочей силе, в Англии вводятся подоходный налог и свобода торговли, а во Франции буржуазия закрепляет добытые завоевания путем издания Кодекса Наполеона — этой «великой хартии вольностей» материально-обеспеченного человека.

Эти успехи капитализма и либерализма продолжают в особенности в тридцатых годах 19-го века, когда началась великая эра железнодорожного строительства. Во Франции с высоты престола «король-буржуа» Людовик Филипп возвещает лозунг: «обогащайтесь». В Англии идея свободы торговли находит свое последнее выражение. В Германии появляются такие «короли индустрии», как Крупп, Матиас Штиннес, Борзиг, Майер и др. Буржуазия готовится к последним решительным боям 1848 года, когда между нею и рабочим классом происходит разрыв, и Маркс в своем «Коммунистическом Манифесте» впервые объявляет о неизбежности классовой борьбы.

Эпоха капитализма достигает апогея своего развития приблизительно после Крымской войны. К этому времени относится основание в Париже братьями Перейер первого спекулятивного банка и создание однородных предприятий в Англии и Пруссии (Блейхредер). В Лондоне строится первая подземная железная дорога, возникает первый универсальный торговый дом в Гамбурге, а в Париже мировая буржуазия демонстрирует свои успехи на первой всемирной выставке.

Но капитализм знал за эти годы не одни только успехи; он знал и кризисы (1815 г., 1825 г., 1836-1837 г.), которые, например в Англии, начиная с 1850 года, стали уже повторяться периодически каждые 6-8 лет. Одновременно растет оппозиционность рабочих масс, обделенных на пиру капитала. Вначале рабочие революции носят разрозненный и стихийный характер, вспыхивая то в лондонских доках, то в гамбургском порту, то в рудниках Рура или Силезии. Но мало по малу со-

циональное рабочее движение принимает все более организованный характер, в особенности после тяжелых поражений 1848 г. Апогей капиталистического развития приносит также расцвет и социалистических движений во всех промышленных странах. Под влиянием учения Маркса и Энгельса, Лассаль основывает в Германии с.-д. партию. В Париже, как следствие неудачной франко-прусской войны, в 1871 г. происходит восстание коммунаров. На арену истории выходит новый класс-пролетариев, про которых Маркс сказал, что «им нечего терять, кроме своих цепей».

Как же реагируют господствующий класс и государство на усиление революционных настроений в среде промышленных рабочих — этой главной силы индустриального капитализма?

Буржуазия сознает, что только объединение отдельных отраслей промышленности в мощные экономические организации, с приобретением влияния на парламенты, печать и общественное мнение, смогут спасти ее в предстоящей борьбе от неминуемого разгрома. Государство же, вынужденное, в виду всеобщего избирательного права, прислушиваться и к голосу рабочих масс, сперва пробует занять нейтральную позицию, но затем, в особенности в монархических странах, начинает наступление на концентрируемый капитал.

В концентрации капитала, помимо воли выдающихся вождей капитализма, утомленных предшествовавшими схватками и вынужденных разделить поле борьбы на сферы влияния, решающую роль сыграло органическое свойство крупного капитала поглощать, впитывать в себя мелкие, по принципу — «богатому дастся, а у бедного отнимется». И вот во всех промышленных государствах возникают синдикаты, тресты и картели — эти чисто бюрократические организации, в которых единоличная воля энергичного предпринимателя заменяется безответственным вотумом собрания акционеров. Отныне свободная конкуренция — эта главная пружина капиталистического прогресса, была устранена, а судьбы промышленности делаются игрушкой закулисных влияний и биржевой спекуляции. Наступает эпоха окостенения и безответственности, прикрытых громкими фразами о свободе «частной инициати-

вы». В виду постоянной нужды этих организаций в притоке громадных оборотных средств, банки приобретают в экономической жизни преобладающее значение и промышленность постепенно теряет свой национальный характер.

Государство не остается к этому процессу равнодушным. Картелирование и интернационализация промышленности представляли собою такую угрозу интересам всей нации, что заставили государственную власть там, где она еще не идентифицировалась с верхним слоем буржуазии, выйти из состояния «ночного сторожа» и стать на защиту не только «дверных запоров», но и жизненных интересов большинства нации.

Первым из государственных людей Европы, открывших поход против ничем не ограничиваемой экономической свободы, был Бисмарк, который в Германии национализировал железные дороги и ввел социальное страхование рабочих в ту эпоху, когда эти две меры в других промышленных странах еще были лозунгами революционных партий. Он же ввел в Германии покровительственные пошлины и всей своей политикой по рабочему вопросу стремился вырвать у с.-д. оружие для агитационных целей.

И тем не менее омертвление капиталистической ткани продолжалось. Безработицы в промышленных странах стали хроническим явлением. Продолжая работать экстенсивно и распространяясь вверх ивширь, наиболее предприимчивые капиталисты искали выхода из кризисов в расширении рынков и в колониальных приобретениях, но тщетно. «Мировой экономический кризис» должен был разразиться еще в 1914 году. Вершители мировых судеб добились, ценою мировой войны, отсрочки этого рокового часа...

Последствия мировой войны общеизвестны и я на них останавливаться не буду. После сравнительно кратковременного, носившего какой-то исступленный характер, оживления экономической жизни в Соединенных Штатах (1923-1927), одряхлевший капитализм был сражен апоплексическим ударом, от которого он не оправится.

Независимо от нагромождения целого ряда органических болезней, современный капитализм утратил импульс к дальнейшему росту. От него как бы отлетела душа, и он, потеряв

веру в своих вождей, превратился в пыльную декорацию, за которой скрывается запустение и упадок.

Мы привыкли понимать под словом «революция» исторический катаклизм, сопровождаемый народными волнениями, ожесточенной борьбой политических вождей и физическим, вполне осязаемым, перемещением социальных слоев. Таковы были все революции на Западе, такова и одна из самых значительных в истории — русская.

Но за последние годы в жизни цивилизованных народов имеет место исторический катаклизм, несомненно имеющий характер социальной революции, со всеми ее неисчислимыми последствиями, — который, однако, носит совершенно иной характер, чем великая французская или социальная русская революция.

Крепки и несокрушимы аппараты полицейского принуждения великих демократий с их броневиками, танками и слезоточивыми бомбами! Им не страшны никакие «марши голодных» к преддвериям Белых домов!

И тем не менее социальная революция в западной Европе и в Соединенных Штатах идет полным ходом, сопровождаясь поветрием самоубийств и голодных смертей в хоробах раззорившихся богачей и лацугах безработных. Это — революция цифр, записей в банковских книгах и статистических данных — бескровная, безмолвная, но какая ужасная!

Цифры мировой безработицы более или менее известны. Но почему не опубликовывают других цифр, которые характеризуют мировую задолженность? Почему так мало говорят о революции, которая ныне происходит в бюджетах решительно всех великих держав, даже обеспечивших себя громадными золотыми запасами?

По самым осторожным подсчетам английского экономиста Филиппа Прайса, американца Макса Винклера и американского экономического журнала New-York Trust Company (The Index), задолженность, тяготеющая над европейскими и американскими государствами, достигает 62 миллиардов долларов (не считая так называемых политических долгов), по которым

одних процентов кредиторам (США, Англии и Франции) следует платить ежегодно около 5 миллиардов долларов.

Проценты эти, за невозможностью погашать их путем экспорта (по причине высоких покровительственных пошлин), должны уплачиваться золотом или же валютой. Но каким образом могут государства-должники мобилизовать для уплаты этих процентов такие громадные запасы золота ежегодно, если **весь** мировой золотой запас, по последним данным, достигает всего 2.157.000.000 долларов! Таким образом мировая задолженность достигла суммы, один платеж процентов по которой представляется совершенно иллюзорным!

Другая глава этой «революции цифр» — прогрессирующие дефициты в бюджетах сильнейших экономически стран, вызванные недобором громадных сумм прямых налогов на капиталы, бежавшие за границу и тезауризированные, на разорившиеся предприятия, на несуществующие доходы... Не будет преувеличением сказать, что львиная доля современных государственных расходов падает на плечи служащих и рабочих, еще не пораженных безработицей, и вторично на те-же малоземельные слои населения — в виде косвенных налогов.

Совершенно ясно, что вся система бумажно-денежного хозяйства в современных государствах в конце дезорганизована обилием находящихся в обращении денежных суррогатов (акций и векселей), не имеющих никакого покрытия, и грандиозными злоупотреблениями в области кредита. Поэтому я не буду далек от истины, если скажу, что нет ни одной страны в мире, которой в недалеком будущем не угрожала бы инфляция. Таковы в самых кратких чертах грозные симптомы разложения финансов капиталистических стран, которые лишь довершают общую картину надвигающегося на мир хаоса.

В кругах эмиграции не принято подвергать капитализм серьезной критике по соображениям тактики борьбы с нашим общим врагом — коммунизмом. Но целесообразно ли так поступать? И не содействуем ли мы таким образом успехам коммунизма в гораздо большей степени, чем если мы будем, на основании пережитого опыта, пытливно искать выхода из создавшегося положения, от которого к тому же русская эмиграция страдает в первую очередь?

Недавно молодой американский экономист Стюарт Чэз (Chase) напечатал статью под заглавием «Конец одной эпохи», в которой утверждает, что крах ряда американских банков знаменует собою конец не только эпохи благоприятной конъюнктуры, но и конец всей современной американской экономической системы. Он отмечает крушение кредита, безработицу, чрезмерную производительность многих важнейших отраслей промышленности, ненормальный рост индустрии, неправильное распределение национальных доходов (трудовые и собственнические), фантастическое картеллирование, ужасающее отсутствие разумного политического и экономического водительства, увеличение преступности. Он также видит зияющую пропасть между чисто бумажной платежеспособностью банков и чрезмерной продуктивностью промышленности. Для Европы Чэз предсказывает долгие годы забастовок, мятежей и диктатур и прекращение делового сотрудничества наций. Чэз поэтому рекомендует: перестройку денежно-кредитной системы, учреждение высшего совета народного хозяйства, десятилетний план, регулирование производства, разделение рынков, регулирование цен, государственное жилищное строительство, поддержание заработной платы на прежнем уровне, сокращение рабочего дня, страхование от безработицы — словом плановое хозяйство по всей линии.

Другой известный авторитет в области экономических вопросов, немец Фердинанд Фрид, на страницах ежемесячника «Die Tat» («Действие»), вып. 11-ый, резюмирует в следующих тезисах болезни капитализма и пути их преодоления:

1. Механическая и промышленная революция закончилась. Техническое оборудование промышленности завершено. Новых коренных изобретений ожидать не приходится.

2. Размеры и продолжительность современной безработицы не имеют себе равных в истории капитализма; также и падение цен на мировых рынках в течение столь кратких сроков.

3. Свободное хозяйство прогрессивно застывает в трестах и концернах, так что принцип конкуренции и отбора утратил всякое значение.

4. Свобода торговли (другой основной принцип капи-

тализма) уничтожен таможенными стенами и стремлениями отдельных стран к экономической изоляции.

5. Развитие капитализма привело к резкому разделению внутри наций на два неравные лагеря: собственников и пролетариев.

6. Свободное хозяйство не дает уже ни вождей, ни новых революционных идей, но вырождается в класс бюрократии и живет «наследством отцов».

7. В то время, как капитал делается достоянием меньшинства, интересы государства — вследствие вырождения демократии — все более сливаются с интересами созревших народных масс. Отсюда — успех народных социальных движений против капитализма.

8. В противоположность капиталу, государство и народные массы начинают выделять новых вождей и новые идеи.

9. Поколение, ныне стоящее у власти и на плечи которого легла вся тяжесть переживаемого развала капитализма, духовно лишено продуктивности и не может дать вождей ни для капитала, ни для государства, ни для народных масс. Вместо того, чтобы мужественно встретиться с кризисом лицом к лицу, это поколение от боя уклоняется. Вся его деятельность сводится к борьбе с подрастающими молодыми поколениями, которые располагают идеями, но, стесненные борьбой за существование, не имеют возможности их оформить и достаточно обосновать.

Самым опасным в переживаемом историческом моменте является необыкновенная громоздкость законодательного аппарата в демократических странах в то время, как надвинувшаяся экономическая катастрофа требует принятия быстрых решений. Кроме того, стоящие у власти политические группировки, опирающиеся на верхние слои буржуазии, совершенно не отражают происходящих в широких народных массах психологических изменений.

Некоторое время тому назад американский сенатор Бора заявил на конференции прогрессистов С.Ш.С.А следующее:

«Экономисты вычислили, что у нас приблизительно 3% населения контролируют 75% национального достояния. Но

не будем педантами и скажем, что у нас в штатах 4% распоряжаются 80% национального капитала. По этому поводу я хотел бы поставить на очередь одну проблему. Я совсем не сторонник экспроприации имущества этих 4%! Но не является ли справедливым, чтобы остальные 96% населения штатов приняли также известное участие в управлении национальным достоянием? Во всяком случае судьбы этих 96% должны быть нам ближе, чем интересы 4%»...

Так обстоит дело в Америке. В Германии, Англии и других промышленных странах западной Европы наблюдается приблизительно то-же соотношение сил между небольшой группой феодалов капитала и остальной нацией, полуголодной, обнищавшей и лишенной покупательной силы.

До поры до времени взрыв оппозиционных настроений в странах, пораженных распадом капитализма, конечно, можно будет сдерживать военно-полицейским аппаратом. Но долго это продолжаться не может. Большинство наций, лишенное фактически права на минимальное экономическое благосостояние, еще избирательных прав не лишено, и чем сильнее будут попытки со стороны власти имущих задержать ход событий, тем сильнее будет реакция народных вотумов...

Те, кто не хотят, чтобы красное знамя интернационала развевалось над всеми столицами мира, должны иметь мужество сделать из этого соответствующие выводы и, обуздав свой узко-классовый эгоизм, общими усилиями найти из создавшегося положения честный выход.

Капитал должен демократизироваться, а для этого проделать добровольно обратный путь от Рокфеллеров, Морганов и Вандербильдов к творческим народным слоям.

Капиталисты должны перейти наконец от экстенсивных (вширь) к интенсивным (вглубь) методам работы, если почва, на которой они до сих пор работали, истощилась.

Изумление вызывают попытки разрешения экономических кризисов на путях колониальной склоки, когда внутри самих «цивилизованных» народов миллионы европейцев нуждаются в самом необходимом. Настало время колонизировать не Китай, Конго или Уругвай, а брошенные раззорившимися фермерами и пустующие сельскохозяйственные площади, на кото-

рых городские безработные могли бы начать новую жизнь.

Политика снижения заработной платы служащих и рабочих должна быть решительным образом осуждена, как ведущая к понижению покупательной способности самого многочисленного слоя потребителей промышленных изделий. Гораздо целесообразнее было бы найти способы понижения доходов лиц, не проживающих своей ренты. Богатство нации заключается не в размерах сбережений незначительного меньшинства, утратившего творческие силы, но в высоте потребностей самых многочисленных слоев населения. Америка богаче Китая не потому, что в ней проживают полторы тысячи ныне уже «бывших» миллиардеров, но потому, что потребности американского рабочего выше потребностей китайского кули.

Продолжительность рабочего дня должна быть доведена до 25 рабочих часов в неделю. Если при современной механизации труда работы на всех трудящихся не хватает, то из этого с неопровержимой логичностью следует, что теперешний рабочий день слишком длинен, иначе машина будет проклятием, а не благословением человека. Если от этого заработная плата даже несколько понизится, городской рабочий легко компенсирует дефицит в своем заработке работою для себя самого на дому (огородничество, ремесла, разведение домашних животных, искусство, самообразование).

Но все эти меры требуют прежде всего коренного изменения в психологии имущих классов, которые должны пойти на значительные добровольные жертвы, если не хотят потерять всего. Пора бы перестать презирать того «среднего» человека, которого обездолила в большинстве случаев игра слепых сил экономической разрухи. Он такой же инвалид, как и солдат, потерявший трудоспособность в борьбе с внешним врагом. Он в праве рассчитывать не только на «милость сердобольных людей», но на мощную поддержку всего государства.

В изменении психологии ныне «ведущей» части человечества, в постановке ценностей вечных превыше благ материальных и заключается, быть может, самый действительный способ преодоления т. н. «мирового экономического кризиса».

Февраль 1932 г.

Георгий Немирович-Давченко.